

НИЖИНСКИЙ ВО СНЕ И НАЯВУ

БАЛЕТЫ ДЖОНА НОЙМАЙЕРА НА ФЕСТИВАЛЕ «ДЯГИЛЕВ. ПОСТСКРИПТУМ»

представляет ТАТЬЯНА КУЗНЕЦОВА

«Вацлав»

«Le sacre» («Весна священная»)

СТРАСТЬ ХОРЕОГРАФА
ОТЛИЧАЕТСЯ ОТ СТРАСТИ
КОЛЛЕКЦИОНЕРА — ОНА
РВЕТСЯ НА ПУБЛИКУ

HOLDER BADERKOW

ПРОГРАММА петербургской фестивальной недели посвящена балетным авантюрам столетней давности, которые Сергей Павлович Дягилев осуществлял с таким блеском и размахом, что резонанс и век спустя встряхивает мировое балетное сообщество. Она действительно выглядит постскриптумом, припиской к основному тексту — собственно балету. Несколько выставок (в частности — «Дягилев. Начало» в Русском музее и «Рисунки голубой тушью» Георга Кольбе в Эрмитаже — подробнее о ней на с. 38), оперное гала, ужины, балы, концерт питомцев Вагановской академии, концерт юных музыкантов под названием «Императорская коллекция» — названием, не вполне уместным в контексте празднеств в честь Дягилева, не ладившего с императорским двором. Событием, сполна оправдывающим юбилейные торжества, станут гастролы знаменитого Гамбургского балета, предьявленная публике в июне этого года. Все три балета как раз и представляют различные подходы Ноймайера к обожаемой эпохе и ее героям.

Этот шестидесятилетний американец, всю жизнь проработавший в Германии, собрал, пожалуй, крупнейшую коллекцию раритетов, связанных с главным героем первых «сезонов» — Вацлавом Нижинским. Да и о самой дягилевской антрепризе, ее персонажах и художественных событиях коллекционер-хореограф (по первому образованию театровед) знает едва ли не больше всех в мире, включая профессиональных историков.

Однако страсть хореографа отличается от страсти коллекционера — она рвется на публику. Свои рефлексии на излюбленную тему Ноймайер неизменно облачает в танцевальную форму, ставя всю жизнь балеты, так или иначе связанные с «Русскими сезонами». Танцбиографии Нижинского переплетаются у него с реминисценциями исторических постановок, новые версии спектаклей дягилевской антрепризы — с архивными изысканиями.

На фестиваль в Петербург знаток «Русских сезонов» привозит захватывающую программу из трех одноактных балетов, никогда раньше не бывавших в России. Что неудивительно: два из них — «Вацлав» и «Le sacre» (половинка от французского названия «Весны священной») были поставлены еще в 1970-х и возобновлялись нечасто. Третий — «Павильон Армиды» — последняя премьера Гамбургского балета, предьявленная публике в июне этого года. Все три балета как раз и представляют различные подходы Ноймайера к обожаемой эпохе и ее героям.

«Вацлав», как следует из названия, посвящен Нижинскому. Этот опус вдохнов-

лен несвязными замыслами будущих балетов, которые закончивший карьеру гениальный безумец набрасывал в тиши швейцарского пансиона, и поставлен на музыку Баха — Нижинский мечтал использовать ее в своих постановках. Биографической конкретики в «Вацлаве» нет. Он выстроен на иных, хореографических воспоминаниях. Развернутые пятые позиции ученического класса — косолапые ножки сникшего Петрушки — томный декаданс поз Призрака розы — авангардные углы Фавна — вклиниваются в сумбурные монологи теряющего рассудок героя, пунктиром обозначая главные вехи его балетной жизни.

В «Le sacre» от прототипа — «Весны священной» в постановке Нижинского, вызвавшей в 1913 году в Париже небывалый скандал (сторонники и противники балета дрались тростями и зонтиками прямо во время представления), не осталось почти ничего. Языческие ритуалы Древней Руси, равно как и персонажей, заботливо выписанных Стравинским в партитуре, Ноймайер оставил без внимания. В 1972 году хореограф поставил балет настолько современный, что неискушенную часть российской публики он может шокировать и сейчас. В нем есть экспрессивная сцена массового изнасилования, напряженно-сексуальный дуэт, общее эротическое томление, нарочито бесполое соло бесноватой Избранницы.

Однако по своей сути это интеллектуальный балет. Буйство природных сил, жертвы и насильники не так интересуют

хореографа, как возможность нащупать глубинные связи между авангардной лексикой 1913 года и языком современного балета. В свое «Посвящение» Ноймайер вклинивает характерные движения из «Весны священной», известные по описаниям очевидцев: ногу с загнутой вверх стопой, прыжки с жестким приземлением, паническое хлопанье руками-крыльями; а в мизансценах подчеркивает несколько тяжеловесную статичность, характерную для постановки Нижинского.

А в свежем «Павильоне Армиды» (название и музыка Черепнина заимствованы хореографом у раннего балета Фокина, показанного в Париже в 1909 году, в первый «Русский сезон») Ноймайер использует биографический жанр, применяя свои излюбленные флешбэки. Нижинский, отправленный рыдающей женой в психиатрическую клинику, вспоминает светлые минуты прошлого: балетную школу, первые триумфы дягилевской антрепризы. Персонажи, естественно, делятся: Доктора в психушке и Дягилева играет один и тот же актер, любимую жену Ромолу и чаровницу Армиду танцует одна балерина. Зато сам Нижинский в спектакле Ноймайера поделится на троих: душевнобольной узнает себя в юном выпускнике балетной школы и в образе обольстительного Раба Армиды — в этой роли реальный Нижинский в 1909 году оттеснил на второй план саму Анну Павлову, после чего звезда навсегда покинула Дягилева и его антрепризу.

Александринский театр, 12 и 13 октября, 19.00